

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПОЗДНИМ СТИХОТВОРЕНИЯМ ДМИТРИЕВА

А. С. Бодрова*

Исследовательский интерес к поэтической деятельности и литературной позиции И. И. Дмитриева в 1820–1830-е годы нельзя назвать значительным, даже после принципиальных статей и публикаций В. Э. Вацуро¹. Однако в самое недавнее время в научный оборот был введен значительный корпус неизвестных стихотворений Дмитриева, содержащихся в рукописной тетради под заглавием «Мои стихотворения с 1822 года»², где помещена, по-видимому, исчерпывающая подборка лирических сочинений

---

* Приношу самую искреннюю благодарность М. Б. Велижеву, привлечшему меня к комментированию дмитриевских материалов, в ходе обсуждения которых сложились настоящие заметки.

¹ Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 139–179; Дмитриев И. И. [Письма] / Публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 416–458.

² ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). № 206. К этой тетради, упомянутой в давнем «Путеводителе по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея» (М., 1967. С. 279), только в 2006 году заново обратился М. Б. Велижев, опубликовавший роспись ее содержания, а также одно из неизвестных стихотворений с подробным комментарием (Балакин А., Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. 1 : «На кончину А. Л. П...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86 (4). С. 123–133); см. также его публикацию двух ранних песен Дмитриева и письма к нему Карамзина из того же архивного дела: Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева // Лесная текстология : труды III-летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. СПб., 2006. С. 47–51. По тетради «Мои стихотворения...» все ранее неизвестные в печати тексты Дмитриева были опубликованы в новейшем издании, подготовленном В. А. Сукайло (Труды и дни Ивана Дмитриева : в 2 кн. М.; Ульяновск, 2010. Кн. 2 : Сочинения и переводы), которое содержит наиболее полный корпус дмитриевских текстов, однако, к сожалению, отличается небрежностями и неточностями в комментариях.

Дмитриева указанного периода. Сопоставление уже известных в печати дмитриевских текстов, а также недавно выявленных его публикаций со стихотворениями, оставшимися в рукописи, заставляет по-иному взглянуть на стратегию Дмитриева в середине 1820-х годов и оценить специфику его литературного поведения в общем контексте журнальных полемика этого времени.

Ощутимый всплеск поэтической активности Дмитриева приходится на весну 1827 года: в это время на страницах журналов и альманахов появляется, хотя и анонимно, несколько его новых стихотворений³; по-видимому, в середине марта – начале апреля Дмитриев вписывает ряд недавно сочиненных текстов в тетрадь «Моих стихотворений...»⁴; наконец, в письме П. П. Бекетову, написанном в первых числах апреля 1827 года⁵, он посылает шесть недавних эпиграмм, свидетельствующих о живом интересе к актуальной литературной жизни. Дмитриевские выступления этого времени, по всей видимости, были напрямую связаны с событиями предыдущего 1826 года, который для Дмитриева был отмечен холодным приемом его «Апологов в четверостишиях», а также тяжелой потерей – не только литературной, но и личной – смертью Карамзина. Уход едва ли не главного спутника Дмитриева усилил его самоощущение как человека и поэта, пережившего свой век и своих современников. Но с другой стороны, те же идеи, по-видимому, создавали дополнительные мотивации к новым выступлениям: теперь именно он, говоря словами Боратынского «от века бывшего остав-

³ См., например: «На кончину ***<Д. В. Веневитинова>» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 8. С. 157; без подписи); «Гебры и школьный учитель» (Памятник отечественных муз на 1827 год. СПб., 1827. С. 258–260 [2-й пагинации]; подпись: ***); об истории этой публикации см.: *Краснобродько Т. И.* Неизвестная басня И. И. Дмитриева // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–96. С. 147–150); «Плавание» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 7. С. 221–222; без подписи, в тексте рецензии П. А. Вяземского на «Сонеты Адама Мицкевича»).

⁴ Как замечают М. Б. Велижев и А. Ю. Балакин, «по своей композиции тетрадь четко делится на две части. <...> Композиционное единство прослеживается до стихотворения "На кончину Веневитинова", перед которым Дмитриев начал было писать "Ответ" князю Шаликову, но затем зачеркнул заглавие <...> и вписал мемориальные стихи недавно умершему (15 марта 1827 года) поэту. Вслед за стихотворением на смерть Веневитинова в тетрадь помещены еще 12 текстов, но уже в соответствии с порядком их появления на свет <...> Таким образом, раздел между "диахронной" и "синхронной" частями тетради проходит по весне 1827 года» (Балакин А., Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева ... С. 127).

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 857 (Собрание В. И. Яковлева). № 115. Л. 15–16 об.; датируется на основании поздравлений с Пасхой («Воистину воскрес, любезнейший братец, поздравляю и тебя с достижением великого праздника...»), пришедшей в 1827 году на 3 апреля. Полный текст письма опубликован: Труды и дни Ивана Дмитриева. Кн. 1 : Хроника. С. 674–675.

Исходя из такого расположения стихотворений, записанных в тетради сразу за эпитафией Д. В. Веневитинову, безвременно скончавшемуся 15 марта 1827 года, и письма Дмитриева Бекетову, можно предполагать, что эпиграммы в большинстве своем были сочинены в конце марта – начале апреля 1827 года. Согласуется с этим и авторское указание о поводе для сочинения «Ответа» («Несчастливый отец беззубой Эпиграммы!..»): и в рукописной тетради, и в письме Бекетову поэт помещает копию эпиграммы на Н. Д. Иванчина-Писарева, которая появилась на страницах пятого, мартовского номера «Дамского журнала» и авторство которой Дмитриев приписывал Шаликову:

Рыцарь нашего времени.
Эпиграмма к. Шаликова на И. Писарева

Призревший и Лицей и Портик
Наш Томас – в рыцарях!.. Поэзии мечты?..
Ах, нет! он дедушкин уж подвязал и Кортик.
И рыцаря девиз: поклонник суеты⁸.

Однако едва ли можно полагать, что столь яростный выпад против Шаликова, так или иначе задетого в пяти эпиграммах, был вызван только обидой за Иванчина, тем более что у Дмитриева давно был гораздо более весомый повод для раздражения против издателя «Дамского журнала». Еще в марте 1826 года в журнале Шаликова был опубликован разбор «Апологов в четверостишиях»⁹, хотя в целом и одобрительный по отношению к их автору, но содержавший немало замечаний о точности выражений, чистоте языка, уточнения сведений из истории апологов и т. д., что не могло, разумеется, не задеть авторского самолюбия Дмитриева. В открытую сочи-

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 857. № 115. Л. 16; ср. также ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 206. Л. 25. Текст, посланный Дмитриевым Бекетову, имеет незначительные отличия от журнальной публикации: в «Дамском журнале» (1827. Ч. XVII. № 5. С. 243) в ст. 1 «призревши» вместо «призревший», в ст. 3 «дедовский» вместо «дедушкин». Варианты списка Дмитриева могут свидетельствовать о записи по памяти или же о том, что у него в руках был допечатный вариант эпиграммы Шаликова.

⁹ Дамский журнал. 1826. Ч. XIII. № 5. С. 218–224. О возмущении Дмитриева рецензией Шаликова прямо свидетельствует его письмо П. П. Свиныну от 27 марта 1826 года, а также его высказывания, известные в позднейшей передаче Н. А. Полевого (см. Письма русских писателей XVIII века ... С. 453; коммент. В. Э. Вацура).

нитель «Апологов...» отвечать Шаликову, как и другим своим критикам, не хотел, тем более что у Дмитриева были ревностные журнальные защитники – прежде всего Вяземский. Тот вскоре выступил в «Московском телеграфе» со своей рецензией на «Апологи...», построенной как подробный ответ на замечания «Дамского журнала», которые в тексте Вяземского были специально заострены: «Конечно, никому не известно, что Апологи, нами рассматриваемые, возбудили критическую ревность издателя Дамского Журнала: извещаем любопытных, что в № 5 Дам. Журн. издатель оного выступил на поле битвенной битвы* и между известием о Парижском катанье на коньках и Парижскими модами напечатал – Критику на Апологи! Он сам признается, что целовал некоторые из них, что они вообще удивительны, прекрасны, милы, и в тоже время – какое противоречие! – в грозном устремлении он обличает автора в исторических, логических и грамматических ошибках – даже и грамматических, хотя давно уже печатно отрекся от грамматики! В самом деле: Дамский журнал – История, Логика, Грамматика – вот слова, которые воют от ужаса, видя себя поставленными вместе!»¹⁰ Уклонившись от прямых выступлений, Дмитриев предпочел оставить собственные полемические тексты вне печатного пространства, однако его высказывания и его «голос» неизменно присутствовали как важный подтекст в журнальном споре 1826–1827 годов между «Дамским журналом» и «Московским телеграфом»¹¹. Закулисную роль Дмитриева в этом противостоянии ярко иллюстрирует запись в дневнике цензора «Телеграфа» И. М. Снегирева от 26 марта 1827 года: «<...> был на акте в Унив.<ерситетском> Пансионе, где видел и говорил с И. И. Дмитриевым, П. Кайсаровым, Храповицким; Кн. Шаликов изъявил свое негодование мне, что я пропустил на него в Телегр.<афе> слова: что К.<нязь> Ш.<аликов> вышел из всякой управы: И. И. Дм.<итриев> поддразнивал его, говоря: в какую<?> же меру мерите, отмерится и вам»¹². Такое положение «отставного» поэта неизбежно приводило к расширению пространства полемики,

---

* Полемической битвы – так пишет Изд. Дам. жур. (примеч. П. А. Вяземского).

¹⁰ [Вяземский П. А.] [Рец. на:] Апологи в четверостишиях. М., 1826 // Московский телеграф. 1826. Ч. VII. № 4. С. 385.

¹¹ О симпатиях Дмитриева к журналу Полевого см. замечания В. Э. Вацура: Письма русских писателей XVIII века ... С. 452–453.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 361. № 64. Л. 90 об. Возмущение Шаликова вызвала заметка Вяземского в 5-м номере «Московского телеграфа», где об издателя «Дамского журнала» было сказано, что он «человек не молодой и вышел из всякой управы», и «на него уж ныне не сердятся» (Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 5. С. 45; гневный ответ Шаликов поместил и в своем журнале: Дамский журнал. 1827. Ч. XVIII. № 8. С. 111–112).

значимую роль в которой, наряду с печатными выпадами, играли тексты неопубликованные и ходившие в списках – причем не только дмитриевские.

Выходом за рамки прямой журнальной полемики, видимо, нужно объяснять появление в третьем номере «Московского телеграфа» за 1827 год, раздававшемся подписчикам с 26 февраля¹³, явной отсылки Вяземского к эпиграмме Дмитриева «Несчастливый отец беззубой Эпиграммы...», написанной по указанию сочинителя в ответ на эпиграмму Шаликова, которая была опубликована только в пятом, мартовском номере «Дамского журнала». Рецензируя стихи В. И. Панаева в «Календаре Муз», Вяземский вскользь заметил: «Кстати о зубах и об эпиграмме Г-на Панаева, здесь же помещенной, вспомнили мы, что Д*** называет некоторые эпиграммы *беззубыми*. Мы заметили со своей стороны, что в этой эпиграмме отзывается небольшой навык к роду Идиллии»¹⁴.

Учитывая, что под криптонимом «Д***» в других публикациях Вяземского того же времени выступал именно Дмитриев¹⁵, можно предположить, что и в данном случае критик «Телеграфа» имел в виду автора «Ответа», тем более что выражение «беззубая эпиграмма» представляет собой случай едва ли не уникального словоупотребления. Однако если эта гипотеза верна, то необходимо не только сдвинуть верхнюю границу датировки дмитриевской эпиграммы, но и признать, что и эпиграмма Шаликова, в свою очередь, была написана несколько раньше отмеченной публикации: она, по-видимому, распространялась по Москве в списках и таким образом стала известна Дмитриеву.

Впрочем, можно думать, что и его «Ответ» также дошел до издателя «Дамского журнала», который публикацией своего эпиграмматического текста не ограничился. Через некоторое время после выхода номера «Телеграфа» с цитированной рецензией Вяземского на альманахи 1827 года в журнале Шаликова появилась едкая статья под заглавием «*Любопытная выписка из Бомбайского Журнала: Каланча*. Книга III, год ШЙ», которая

¹³ Сведения о выходе этого номера см.: *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 172.

¹⁴ [Вяземский П. А.] [Рецензия на альманахи 1827 года] // Московский телеграф. 1827. Ч. XIII. № 3 (февраль). С. 251 (подпись Ас. Б.).

¹⁵ Ср., например, такое же именование Дмитриева в рассказе о Е. И. Кострове в «Выдержках из записной книжки» («Однажды входит к нему Д*** и застаёт его на креслах перед столом, на коем лежит Греческий Гомер, в пергаменте <...>»), опубликованных в следующей части «Московского телеграфа» (1827. Ч. XIV. № 6. Отд. II. С. 94). Криптоним был раскрыт уже в публикации «Старой записной книжки» в собрании сочинений Вяземского: Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. VIII. С. 10.

представляла собой подробный и придирчивый разбор альманашного обзора Вяземского, помещенного в III-й книжке «Московского телеграфа», вышедшего к 1827 году *третий год*¹⁶. В «Выписке», представлявшей собой серию «разговоров питомиц с своею наставницею», участницы которых носили имена *Пулвиндара* и *Визара*, очевидно, созвучные фамилиям братьев Полевых и Вяземского, был помещен отдельный диалог, озаглавленный «Беззубые эпиграммы»:

«П<улвиндара> Кроме известных эпиграмм, не бывает ли еще каких-либо других?

В<изара> По свидетельству некоторого Философа-звездочета, рожатся эпиграммы и беззубые. Не известно только, вырезаются ли у них в свое время зубы, подобно как у младенцев.

П<улвиндара> Мудрец этого не объяснил. Но он, или другой кто-то, прибавил, что у сих эпиграмм отзыв идиллический»¹⁷.

Выпад «Дамского журнала» целил как непосредственно в Вяземского (ср. перифразу его суждения о «навыке к роду Идиллии» в последней реплике), так и в «Философа-звездочета», назвавшего эпиграммы беззубыми, – то есть, очевидно, в Дмитриева – сочинителя эпиграммы на Шаликова.

Сходный параллелизм печатных полемических заметок «Телеграфа» и не предназначенных для печати эпиграмм Дмитриева можно видеть на примере еще одного текста из этого антишаликовского цикла. Обвинениям в эпиграмме «Нет, Венчикин, журнал, набитый только бранью...» вполне соответствует сатирическая цель заметки Вяземского в следующем томе «Телеграфа», которая хотя и представляет собой выписку из библиографической части «Revue Encyclopédique», но отличается большой язвительностью: «В Rev. Enc. 1825 г. есть одно только известие о Дамском журнале, но в декабрьской, а не в октябрьской книжке. Думая, что о нем говорит и князь Шаликов, в угодность ему помещаем самый подлинник и верный перевод сего известия, дабы читатели не подумали, что мы прибавляем хотя одно слово от себя: <...> Московский Д. Ж., предпринятый по образцу Парижского Journal des Modes и Petit Courier des Dames далеко не стоит, во всех отношениях, обоих сих журналов, хотя цена их гораздо менее. К тому

---

¹⁶ Любопытная выписка из Бомбайского Журнала: Каланча. Книга III, год IIIй // Дамский журнал. 1827. Ч. XVIII. № 7. С. 32–39 (подписано: «С английского Л....й»). Все постраничные отсылки к «Бомбайской Каланче» точно соответствуют страницам номера «Московского телеграфа».

¹⁷ Там же. С. 37.

же, журнал к. Шаликова, кажется, слишком часто забывает свое назначение, *занимаясь только полемикой и нападением на другие Русские журналы*, которые он восставил против себя духом несправедливости и недобротства, господствующим в его редакции»¹⁸.

Таким образом, рассматриваемые эпиграммы Дмитриева против Шаликова становятся важной, пусть и скрытой, частью развернутой и острой полемики с «Дамским журналом» и его издателем, который весной 1827 года оказывается едва ли не самым популярным героем московских эпиграмм¹⁹.

Отличительной особенностью «антишаликовского» цикла Дмитриева являются очевидные отсылки к «Дому сумасшедших» А. Ф. Воейкова. Воейковское описание Шаликова²⁰ Дмитриев прямо цитирует, обозначая свой источник в эпиграмме «Встреча у желтого дома», заглавие которой, очевидно, отсылает к названию прославленной сатиры. К «Дому сумасшедших», по всей видимости, отсылает и именование Шаликова *Веничкиным* в этом цикле: посаженный в желтый дом «спичка Шаликов» у Воейкова «прижимает *веник* страстно».

Эти реминисценции добавляют интересные детали к истории бытования сочинения Воейкова, а также дополняют имеющиеся сведения об отношении Дмитриева к «Дому сумасшедших». Из его письма А. И. Тургеневу 1820 года было известно, что поэт давно проявлял внима-

¹⁸ [Вяземский П. А.] Журналистика // Московский телеграф. 1827. Ч. XIV. № 6. С. 99–101 (подписано: Журнальный сыщик). Цитированный Вяземским обзор русских журналов см.: Revue Encyclopédique. 1825. Т. XXVIII. Décembre. P. 948–949.

¹⁹ Шаликов стал также адресатом эпиграммы Боратынского «Грузинской Князь, газетчик русской...», посланной в письмо Боратынского и Вяземского В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу от 25 февраля – 12 марта 1827 года (*Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем ... С. 174), а также эпиграммы, сочиненной Пушкиным совместно с Боратынским: «Князь Шаликов, газетчик наш печальный...» (*Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1 : Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 484).

²⁰ «Вот на розовой цепочке / Спичка Шаликов в слезах, / Разрумяненный, в веночке, / В ярко-планшевых чулках, / Прижимает веник страстно, / Кличет граций здешних мест, / И, мяуча сладострастно, / Размазно без масла ест» (цит. по: Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Л., 1971. С. 795). Строфа о Шаликове входила во все редакции сатиры Воейкова, начиная с самой ранней, с очень незначительными колебаниями в тексте (об истории «Дома сумасшедших» см. новейшую статью: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 189–208).

ние к сатире Воейкова²¹; цитаты из «Дома сумасшедших» в эпиграммах 1827 года – еще одно свидетельство этого интереса²².

II

Сохраняя свои эпиграммы на Шаликова за пределами печатной известности, Дмитриев тем не менее не вовсе «молчал» для публики. В то же самое время он, хотя и не объявляя прямо о своем авторстве, помещает ряд своих текстов в «Московском телеграфе» и альманахе В. В. Измайлова «Литературный музеум...»²³. Эти публикации были призваны создать совершенно иной авторский образ: образ не колкого полемиста – участника новейших журнальных споров, – но поэта прежнего поколения, уже лишённого «поэзии огня», который лишь изредка возвращается к литературе, откликаясь на самые значимые события или на просьбы старых друзей.

Смысловым центром печатных выступлений Дмитриева в начале 1827 года становится, как уже было сказано, смерть Карамзина. Свое стихотворение, посвященное памяти покойного друга, Дмитриев отдает Измайлову для «Литературного музеума...»:

Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?
Как! мне, лишённому поэзии огня,

---

²¹ Дмитриев – А. И. Тургеневу: «Чувствительно благодарю вас <...> за ваше письмо и доставление последней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь-в-точь, первые же две не стоят и пересылки» (*Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986. С. 397; *Балакин А. Ю.* Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» ... С. 199; имеются в виду строфы про Н. И. Греча, А. Е. Измайлова и В. Н. Карамзина).

²² Любопытно отметить, что в свою очередь Воейков также не был чужд реминисценциям из Дмитриева. В колоритном описании Жуковского: «Вот Жуковский! в саван длинный / Скутан, *лапочки крестом*» – можно увидеть отсылку к знаменитой басне Дмитриева «Мышь, удалившаяся от света»: «Затворница на то, с душевным состраданьем / *И лапки положи* на грудь свою *крестом*, / – Возлюбленны мои! – смиренно отвечала...» На эту строку при публикации в «Московском зрителе» 1806 года, где она читалась иначе: «И руки положи на грудь свою крестом», обратил внимание Шаликов, сделав примечание: «Я слышал однажды от поэта-переводчика, что он написал махинально руки вместо лапки; без сомнения так; ибо ничто не обязывало написать руки: ни мера, ни просодия; к тому же лапки крестом сделало бы очень хорошую противоположность». Дмитриев согласился с этим советом Шаликова и, как отмечал В. Э. Вацуро, в последующих изданиях действительно заменил «руки» на «лапки» (см.: *Вацуро В. Э.* И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 177)

²³ О литературных отношениях Дмитриева с Измайловым см. краткие замечания В. Э. Вацуро (Письма русских писателей XVIII века ... С. 440–441, 450–457), а также специальную статью А. Ю. Соловьева в настоящем сборнике. Об альманахе Измайлова см.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978. С. 101–103.

В глубокой старости забытому Парнассом,
 Пугать и вкус и слух своим нестройным гласом!
 Увы! всему пора: и я был молод, пел;
 С восторгом на венок Карамзина смотрел,
 И состязался с ним, как с другом, в песнопеньи...
 Его уж нет! теперь душа моя в томленьи
 Глядит на кипарис, глядит на небеса,
 И ждет в безмолвии свидания часа²⁴.

Дмитриевский текст был помещен в альманахе без подписи, но его авторство прозрачно раскрывалось в заглавии ответного послания Измайлова «И. И. Д. В ответ на его стихи», помещенного следом²⁵. Этот стихотворный диалог ярко иллюстрировал ту саморепрезентацию Дмитриева, которую он хотел предьявить публике, подчеркивая свою литературную и человеческую близость к Карамзину, чья смерть оставила Дмитриева единственным представителем их поэтического поколения, последним образцовым поэтом прежнего времени. Та же литературная установка отличала и построение «Литературного музеума...» в целом: альманах Измайлова фактически оказывался, с одной стороны, своего рода литературным памятником Карамзину, а с другой, – апологией Дмитриева, их имена практически не сходят со страниц издания Измайлова. Похвалой «Апологам...» Дмитриева открывалась литературная часть «Краткого обозрения 1826 года», написанного Измайловым²⁶; затем было помещено в высшей степени комплиментарное стихотворение Иванчина-Писарева «При чтении книги, под названием: Апологи в четверостишиях»²⁷. Ссылкой на Дмитриева сопровождалась публикация стихов Жуковского²⁸, из альбома Дмитриева был

²⁴ Литературный музеум на 1827 год. М., 1827. С. 317.

²⁵ Там же. С. 318–319.

²⁶ «Апологи в четверостишиях» явились в свете без имени автора. Но тайне скромного молчания изменило великое дарование; музы и слава наименовала давнего любимца своего, и обрадованные сограждане с гордостью увидели в свежих стихах старца, отблеск молодого поэта, украсившего век Екатерины творениями, полными жизни, огня и вдохновения. В сих Апологах, достойных его имени, есть мастерские и образцовые в своем роде» (там же. С. 25).

²⁷ Там же. С. 161. Иванчину-Писареву принадлежала также статья памяти Карамзина – «Речь в память Историографа Российской Империи» (там же. С. 61–148).

²⁸ В примечании к «Стихам на случай первого отречения Бонапарта, петым на празднике, данном английским министром лордом Каткартом» («Сей день есть день суда и мщенья!...») говорилось: «Они не внесены в полные сочинения Жуковского; не знаю, были ли где напечатаны; их отыскал в своих бумагах и сообщил мне И. И. Дмитриев» (там же. С. 308–310).

напечатан карамзинский отрывок «Дружба»²⁹; несомненно, Дмитриевым был сообщен и отрывок из письма к нему Карамзина³⁰. Таким образом, Дмитриев в общей конструкции альманаха оказывался едва ли не важнейшей фигурой литературного процесса, символизирующей связь текущей литературы с эпохой Карамзина, что, разумеется, не могло не льстить поэту, якобы «забытому Парнасском».

Любопытно и то, что ряд других дмитриевских выступлений в печати, как кажется, также был связан с мемориальной карамзинской темой и публикацией в альманахе Измайлова.

Переживание смерти Карамзина бросает свой отблеск и на известную эпитафию престарелого поэта представителю самого младшего литературного поколения – Веневитинову. В поэтических и эпистолярных текстах Дмитриев подчеркивал ощущение необходимости собственного ухода – вслед за современником и другом, но вместо того он, «глубокий старец», вынужден оплакивать безвременную кончину юноши-поэта: «А старость дряхлая дрожащею рукой / Ему надгробье пишет»³¹.

Ту же тему поэтической старости Дмитриев обыгрывает в другом тексте, который также был отдан в печать весной 1827 года. В девятом номере «Московского телеграфа» появилось анонимное четверостишие «Наборщику стихов моих»:

Спасибо твоему, ремесленник, набору,
И будь же ты воспет поэтом-стариком:
Мой вялый стих, как я, тащился бы ползком –
Ты бодрость дал ему, и разом поднял в гору³².

---

²⁹ «Автор написал сей отрывок для альбома своего знаменитого друга, который вверил нам драгоценные строки» (там же. С. 244–245).

³⁰ Ср. примечание издателя: «Именован ли того достойного друга, которому Карамзин, как бы по тайному предчувствию близкой смерти, завещал последние мысли и чувства свои? Нет, читатели угадывают и верно благодарят его вместе с нами за доверенность» (там же. С. 316).

³¹ Характерно, что на том же противопоставлении (юность – старость) было построено и приватное высказывание Дмитриева о смерти Веневитинова, запомнившееся Иванчину-Писареву: «?Они еще живут, а дарованья в гробе!« – привел мне однажды Дмитриев этот стих Петрова, извещающая меня о кончине Веневитинова. Он метил на себя и современных стариков-писателей» (ОПИ ГИМ. Ф. 404. № 68. Л. 43; письмо Д. П. Голохвастову от 12 ноября 1842 года; сообщено М. Б. Велижевым). Письмо Дмитриева Иванчину, которое припоминает последний, см.: *Дмитриев И. И.* Сочинения И. И. Дмитриева / Под ред. А. А. Флоридова. СПб., 1895. Т. 2. С. 297.

³² Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9. Отд. II. С. 4 (без подписи).

Появление стихотворения в «Телеграфе», по всей видимости, нужно связывать с посредничеством Вяземского: в наборной рукописи³³ и на страницах журнала четверостишие Дмитриева помещалось вслед за посланием Вяземского к Илличевскому³⁴. Эта поздняя прижизненная публикация Дмитриева до сих пор не была отмечена ни новейшими комментаторами, ни последним издателем сочинений поэта, которые ввели этот текст в корпус дмитриевских стихотворений, основываясь на записях в тетради «Моих стихотворений...» и в письме Бекетову³⁵. Авторские пометы в рукописных источниках свидетельствуют о том, что четверостишие было связано с публикацией Дмитриева в «Литературном музее...»: «См. Литературный Музеум. Печ.: в типографии Г. Селивановского»³⁶. Впрочем, не вполне ясно, имеет ли стихотворение конкретный повод: явного вмешательства наборщика в текст, напечатанный в альманахе Измайлова, обнаружить не удалось.

Но в этой публикации показательнее всего другое – сам факт появления этого четверостишия в печати, ярко иллюстрирующий стремление Дмитриева публично выступать, пусть для узкого круга посвященных, в роли благосклонного «поэта старика». Четверостишие, обращенное к наборщику, подразумевало, разумеется, благодарность издателю «Литературного музеема...», которому он, несомненно, был признателен не только за вдохновение, но и за славу «достойного», «знаменитого друга» Карамзина и обещание поэтического бессмертия.

---

³³ Цензурная рукопись этого номера «Телеграфа», послужившая основой для набора, хранится в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1604). Четверостишие вписано писарской рукой без подписи, однако под текстом видны следы неразборчивой карандашной записи.

³⁴ *Вяземский П.* К Илличевскому («И за письмо и за подарок...») // Московский телеграф. 1827. Ч. XV. № 9. Отд. II. С. 3–4.

³⁵ Ср.: *Балакин А., Велижев М.* Новые стихотворения И. И. Дмитриева ... С. 131; Труды и дни Ивана Дмитриева : Кн. 2 ... С. 693.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 206. Л. 26; РО ИРЛИ. Ф. 857. № 115. Л. 15 об.; Труды и дни Ивана Дмитриева : Кн. 2 ... С. 438.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010